## осколокъ льду.

Четырнадцатильтняя козачка Марья Чернушкина, Красногорской кръпости на линіи, выгоняла Оренбургской ВЪ поле Eme телятъ. солнце взошло, не HO пожелклая трава была суха, какъ пыль, на нее не пало за ночь ни росинки. Помахивая хворостинкой, Маша напъвала пъсенку и спускалась подъ гору къ мостику, какъ съ боку, оврага, ИЗЪ внезапно на нее наскакали верхами два человѣка дикаго вида, съ длинными копьями въ рукахъ, въ лохмотьяхъ, въ мохнатыхъ шапкахъ. Они кинулись на нее украдкой, безъ всякаго шума и почти не говоря ни слова, а только свирѣпо приграживая, схватили приподняли поспъшно съ земли, перевалили черезъ лошадь, поперегъ съдла, поскакали въ сторону. Бывало одно слово: Киргизцы! пугало ребенка Машу такъ, что она забивалась въ самый задній уголъ на печи, особенно съ тъхъ поръ, какъ

станицу привезли трупъ старшаго брата ея, козака, убитаго въ стычкъ съ киргизами; тогда все женское населеніе станицы выбѣжало встрѣчу СЪ воплемъ покойнику и Маша отъ испуга дрожала нѣсколько дней и могла спать не ночамъ; – а теперь она сама была у нихъ въ рукахъ! Она обезпамятъла, но вскоръ въ себя, закричала пришла забилась на лошади изо всъхъ силъ, когда ей, какъ спросонья, показалось, будто ее кинули въ воду: въ самомъ дѣлѣ, вокругъ нее шумъла вода и передъ собою она видъла только бурную пъну; вода неслась быстрымъ потокомъ подъ ногами лошади и будто уносила ее съ собою: у Маши закружилась голова и сердце обмерло, она ръзко взвизгнула и, сама не зная, что дѣлаетъ, хотѣла вырваться: ЭТО переправа въ бродъ черезъ Уралъ. Киргизъ ударилъ ее раза два, чтобы угомонить и удержать на лошади, но она такъ сильно рванулась, что упала въ быстрый потокъ. Невольно стала грести руками и выплыла на ближайшій азіатскій берегъ. Но и тутъ ей не

никакого спасенія; слѣдя было за нею, уже успѣли выѣхать на воры соскочили съ лошадей и спокойно ожидали своей, добычи которая не могла стоило только миновать: имъ протянуть руки къ идущей на встръчу добычъ. Въ изнеможеніи Маша отдалась имъ опять; они посадили ее на заводную лошадь, связали ей ноги подъ брюхомъ лошади и потащили крупною рысью за собой.

Солнце уже взошло и вскоръ обсушило Машу. Верстъ 70 проъхали воры въ глубь степи почти въ одинъ духъ и она до того утомилась и измучилась, что чувства и притупѣли понятія ея И она обезпамятъла отъ скорби, боли, жажды и крутомъ усталости. Въ оврагѣ остановились, дали плънницъ своей испить воды, убъдившись сперва, по сродной имъ предосторожности, нѣсколько она что отдохнула, и дали ей немного круту (сыру). Она съ жадностью пила, но ѣсть не стала, уснула и съ воплемъ пробудилась, когда послѣ недолгаго отдыха и забытья, пришла опять въ себя и постигла отчаянное положеніе свое.

Такъ или почти такъ, прошла цѣлая недъля, въ большихъ и малыхъ переъздахъ роздыхахъ. Наконецъ разбойники прибыли въ свой ауль, кочевавшій песчаномъ кара-кумъ, по близости ръки гдъ все населеніе осматривало бъдную Машу кругомъ и со всъхъ сторонъ, любуясь марджой, то есть плънной русской женщиной, и оцѣняя на глазъ, чего она стоить и сколько можно будеть за нее получить. Здѣсь продержали ее нѣсколько недъль заставляя пахтать кумысъ, прясть верблюжью шерсть и обращаясь, впрочемъ, съ плънницей довольно ласково. Особенно полюбила ее молодая, бойкая дъвка, въ кованыхъ остроносыхъ сапогахъ и остроконечной шапкъ съ перьями; дъвка эта приходила по нъскольку разъ въ день присматривать за Машей, заговаривала съ нею, стараясь ее развеселить даже противъ выходокъ отстаивала ee злой старухи, хотъвшей заставить плѣнницу,

молоденькую дъвчонку, выминать въ рукахъ сыромятную кожу.

Подошли Чушмекейцы съ караваномъ, который шель въ Бохару; нѣкоторые изъ старыхъ возчиковъ прибыли въ аулъ, гдъ находилась плънница, ДЛЯ заболѣвшихъ ослабъвшихъ или верблюдовъ, и услышавъ, что тутъ есть свъжая русская плънница, стали объ ней освъдомляться; хозяевамъ представлялся случай сбыть Марджа! выгодно ee. *Марджа*! раздалось по всему аулу — и Маша, зная уже новое названіе переиначенное, впрочемъ, изъ имени ея и многихъ землячекъ ея, – Маша вышла изъ кибитки и оглянулась: къ ней шелъ хозяинъ ея съ тремя посторонними, въ числъ коихъ прибывшихъ изъ былъ одинъ караваномъ бухарецъ, въ пестромъ халатъ и чалмъ. Купецъ осмотрълъ Машу, пошутилъ даже съ нею, зная нъсколько словъ порусски, уговаривалъ ее горевать, не просить хозяина, чтобы онъ продалъ ее въ Бохару, гдѣ ей будеть жить хорошо, привольно и весело, не такъ, какъ у этихъ

степныхъ, необразованныхъ мужиковъ; за старался приласкать онъ ee. щекъ и сталъ потрепалъ ПО **СМОНИВЕОХ** ея по рукамъ. Это длилось нъсколько времени, а Маша стояла молча и хозяинъ ея, назначивъ цѣну, смотрѣла: скидывалъ по временамъ что нибудь, или повторялъ одно И TO же, a купецъ набавлялъ, или также кричалъ свое, каждый разъ били они рукой объ руку, переталкивая томъ Машу, при горячности своей, какъ продажнаго барана то на ту, то на другую сторону. Этимъ каждый изъ нихъ выражалъ окончательную волю, или намъреніе покончить дъло на своемъ словъ. Наконецъ дъло сладилось; купецъ развязалъ поясъ, расплатился и, кивнувъ рукой, позвалъ Машу за собой. Какъ неживая, она послъдовала за нимъ; побѣжала киргизка молодая **3a** нею слъдомъ, обняла ее и подарила ей, большую ръдкость, простую, большую булавку, которою чрезвычайно дорожила. Лучшаго подарка у нея не было и не скоро,

можетъ быть, она опять достала подобную рѣдкость.

Недъли Маша двѣ качалась на верблюдъ, плакала и тосковала и опять по временамъ прояснялась, не зная, чего-то ей ждать, что сулить ей будущность; быть захваченной въ плѣнъ киргизами, очутиться на Сырѣ, потомъ перепроданною Бохарцу и на пути въ басурманскую столицу – обо этомъ она слышала, конечно, въ себѣ другихъ, разсказахъ HO къ 0 не примъняла, разсказовъ ЭТИХЪ себѣ судьбы такой не ждала. А ей всего только быль 15-й годокъ – а отца и мать покинула она, въроятно, навсегда и не простившись даже съ ними, погнавъ спокойно буренушку свою въ поле и полагая свидъться съ ними Теперь, черезъ полчаса.... однообразная и сухая степь разстилалась передъ всѣ стороны нею  $\mathbf{BO}$ безконечности, все наводило тоску, - а съ родиной простилась она на въкъ! Около спустя послѣ переправы недѣли большую рѣку, за которою слѣдовала вовсе безводная степь на четыре дня ходу, мъста

болѣе становились жилыми, начали обработанныя поля, попадаться сады, окруженные битыми глиняными ствнами, землянки, или земляныя лачуги. Издали появилось что-то родъ стънъ, ВЪ остроконечной насыпи, СЪ земляной башней, которая, гладкой среди пустынной мъстности, казалась довольно высокою. Всв пали на землю молиться — это была Бохара-и-Шерифъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, Маша была представлена эмиру, или хану бохарскому, которому купецъ поднесъ ее изъ чести, какъ пешкешъ, подарокъ, или приношеніе изъ дальней стороны. Ханъ, сидя на ковръ съ четками въ рукахъ, окинулъ ее глазами и приказалъ передать въ въдъніе стряпухи, также русской плънницы. Эта старуха, управляя уполовникомъ вмѣсто атаманской булавы. шестопера, не ИЛИ смотря униженное положеніе свое, умъла держать ханскую въ безусловной дворню всю таджики подчиненности; сарты И смѣялись выходкамъ ея и повелительнымъ пріемамъ, но слушались ее; она готовила пловъ и баранину на самого эмира и потому не только смѣняла часовыхъ подъ воротами ханскаго замка по своему произволу, но распоряжалась не рѣдко и на ханскомъ пушечномъ дворѣ, и ясаулы хотя и перебранивались съ нею по временамъ, но никогда не рѣшались отмѣнять ея распоряженій.

Мало по малу Маша стала привыкать къ своему, довольно сносному впрочемъ, положенію; умная, ловкая и проворная, она пріобрѣла напередъ благоволеніе непосредственной начальницы своей И особенное поступила подъ покровительство; вскоръ, и не искавъ того, довъренность вошла ВЪ КЪ младшимъ ханскимъ и женамъ носила ОТЪ продавать на базаръ тюбетейки и другія бездълушки ихъ рукодълья, выручая за это нъсколько танегъ на шелкъ, лоскутья и иглы, которыми жены ханскія коротали въ прескучное время. Состоя заперти побъгушкахъ, дворцѣ Марья на ознакомилась со всѣми жильцами его, а обычаями и всъмъ мъстнымъ равно съ

Глядя бытомъ. на женъ ханскихъ, сидъвшихъ десятками въ самомъ строгомъ Чернушкина, заключеніи, Маша русскимъ понятіямъ своимъ, смотрѣла на нихъ съ сожалѣніемъ и не промѣняла бы на ихъ судьбу даже и свою. Эмиръ самъ зналъ потому что иногда она былъ прислуживала, довольно ней къ ласковъ и, захворавъ однажды, заставилъ ее сидъть при себъ всю ночь; онъ былъ человъкъ хилый, изможденный, и у него вообще быль обычай – держать вокругь себя, во время частой бользни, одну только женскую прислугу. Марья, какъ смътливая и услужливая хожалка, ему полюбилась и съ тъхъ поръ онъ не отпускалъ ее отъ себя ни на шагъ, когда бывалъ нездоровъ; а это случалось съ нимъ сплошь и рядомъ. Онъ къ ней привыкъ и никто не могъ услужить больному, брюзгливому эмиру, лучше Маши.

Время шло однообразно; Машѣ исполнилось уже 17 лѣтъ, а старый и хилый ханъ былъ, такъ сказать, ея оберегателемъ; какъ ханская невольница, была одна для

всъхъ недотрогой, ее боялись и уважали; но многіе ждали, не пожалуеть ли имъ ханъ Марью въ невольницы же, за какую-нибудь услугу. Старостиха, или стряпуха съ своей стороны прочила ее за какого-то любимца своего, пушкаря, также изъ русскихъ, который очень старался Машъ во всемъ угождать. Вслъдствіе этого, стряпуха приняла бъдную Машу еще ближе подъ свой надзоръ и покровительство, оберегая ее отъ всякихъ обидъ и искательствъ; и грозный уполовникъ ея не разъ обрушался всею тяжестію своею на задорныя головы покорныхъ рабовъ и храбрыхъ ратниковъ ханскихъ, при малъйшемъ посягательствъ ихъ на добрую славу хорошенькой, живой и умной дѣвушки. Ханъ не отказывалъ стряпухъ своей въ сватовствъ ея, но и не давалъ положительнаго согласія; старуха подучала Машу воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и замолвить объ этомъ самой словечко; Маша на это не рѣшалась, ей стыдно было просить себъ жениха; такъ дѣло это и тянулось, оставаясь до времени неръшеннымъ.

Однажды эмиръ опять захворалъ жестокую горячку. Это было ВЪ среди знойнаго лъта. Маша высидъла при немъ безсмѣнно нѣсколько сутокъ: держала голову его на своихъ колѣняхъ, то отгоняла мухъ, то подавала ПИТЬ обмывала лице его, то опахивала отъ жара, быстро рукъ ВЪ четвероугольное, плетеное опахало, деревянной оси или стержнь; она устала до изнеможенія, но смѣла не покинуть больнаго своего, который властелина забывался, метался, стоналъ, опять приходилъ въ себя и все просилъ Машу, чтобъ она его уберегла и выходила: умирать ему не хотълось. Разметавшись въ жару, онъ вдругъ отчаянно застоналъ: «Горитъ, горитъ во мнѣ! Марджа, достань достань мнъ сейчасъ же осколокъ льду, и я тебя озолочу!» Маша вскочила и побъжала, сама не зная, куда и за чѣмъ, потому что время года Бохарѣ ВЪ ледъ ВЪ ЭТО необычайнымъ принадлежалъ КЪ ръдкостямъ; у кого онъ былъ, тотъ хранилъ и таилъ его, а у хана, жившаго изо дня въ

день и при томъ всегда на чужой счетъ, вообще никакихъ запасовъ не водилось. Но Маша бѣжала безъ памяти и слышала только въ сѣняхъ, какъ эмиръ кричалъ еще ей вслѣдъ: «Марджа, льду! Если принесешь, отпущу на волю и выдамъ, за кого пожелаешь!»

Выбъжавъ изъ воротъ ханскаго замка, Маша кинулась, какъ бъщеная кошка, на какого-то прохожаго таджика, съ визгомъ и крикомъ вцъпилась въ него и барахталась изо всъхъ силъ, между тъмъ какъ онъ толкаль ее и старался отъ нея освободиться и уйти. На крикъ сбъжались люди съ ханскаго даора и старостиха явилась съ уполовникомъ. Маша кричала только: «для хана, для эмира, эмиръ приказалъ!» и вырвыть силилась что-то изъ таджика. Старостиха тотчасъ же отпустила ему по головъ уполовникомъ полновъсную нахлобучку принялась И кричать повелительно: «отдай, отдай для эмира!» Прочіе помогли ей, схватили строптиваго таджика и хотъли его тащить къ хану на расправу, за ослушаніе; вольно ему дураку

было проходить такъ оплошно **МИМО** ханскаго двора, какъ называютъ тамъ эту кучу огороженныхъ землянокъ, притонъ, безсмысленнаго или логовище звъря. А Марья, сдълавъ кровожаднаго свое, давно уже въ это время стояла передъ ханомъ, съ деревянной чашкой, въ которой льду. Эмиръ осколокъ лежалъ высокостепеннымъ его языкомъ лизалъ своимъ и въ удовольствіи и нѣгѣ повторялъ по временамъ обътъ свой отпустить Машу на волю и пристроить ее, если онъ только выздоровъетъ.

Подивитесь Машину же счастью: выбъжавъ безъ ума на улицу, встрѣтилась носомъ къ носу съ таджикомъ, и этотъ первый, встръчный ей человъкъ, несъ въ чашкѣ осколокъ льду!.... Чудесъ конечно нътъ въ наше время, а дивныя бываютъ; и случай, который разсказываю, не выдуманъ, а былъ на дълъ.

Эмиръ выздоровълъ скоро; черезъ недълю онъ уже сидълъ на своемъ ковръ, еще желтъе и блъднъе обыкновеннаго, со

щеками, впалыми co ввалившимися, безсмысленными глазами, съ отупъвшимъ умомъ, но онъ уже сидълъ и почиталъ Машу своею избавительницей. Въ пятницу поъхалъ онъ верхомъ въ мечеть. У Маши сердце сильно билось; она ни съ къмъ не смъла говорить о томъ, что объщалъ ей ханъ; но прислуга, стоявшая за войлочными пологами дверей, слышала слова его и въ цъломъ глиняномъ замкъ было всякому эмиръ объщалъ извѣстно, русской ЧТО плънницъ волю. Явились женихи; сватали зажиточные бохарцы, съ условіемъ, чтобы она приняла мусульманство. отвѣтъ Маша. на это, бранилась, ВЪ затыкала себъ уши и проклинала ихъ въ глаза; они смѣялись и отходили въ сторону; данной повадкѣ, старостиха, по ей грозилась на нихъ страшнымъ орудіемъ своимъ; сваталъ Машу и русскій пушкарь, но и его она не слушала, и тогда старостиха подымала уполовникъ свой на нее; видно пушкарь съумълъ задобрить стряпуху и склонить на свою сторону.

Прошла еще недѣля, насталъ мусульманскій постъ, и Эмиръ позвалъ къ себѣ Машу. «Я тебѣ обѣщалъ волю, если ты меня выходишь: ты свободна. Выбирай мужа. Вотъ тебѣ десять *тилла* на хозяйство.»

Маша рухнулась ему въ ноги и взвыла. Въ четыре года она выучилась свободно говорить по татарски, а Эмиръ понималъ языкъ, какъ свой: «пресвътлый ханъ, говорила она, не губи меня, когда хочешь сдълать добро; вольный идетъ на всъ четыре стороны: отпусти же меня домой!....»

Ханъ насупилъ брови. «Этому не бывать, сказалъ онъ: этого не позволяетъ въра наша. Отпускаю тебя на волю, но живи здъсь.»

«Эмиръ, завопила Маша, у васъ своя въра, у насъ своя: передъ Богомъ всякая въра хороша, коли она добро творитъ; я молилась за тебя по своему, ты умиралъ, Богъ меня услышалъ, ты теперь здоровъ; не бывать бы этому, еслибъ я молилась по вашему: тогда бы Богъ меня не услышалъ;

тогда бы ты погибъ.... воля Его есть на то, чтобы всякій держаль въру своихъ отцевъ! Солнце Востока! что тебъ въ одной, бъдной плънницъ? Не найдешь ты развъ работницъ? — Эмиръ, я не встану — я буду лежать, покуда не прикажешь ясауламъ своимъ убить меня на мъстъ за то, что я за тебя молилась, но я не встану; отпусти меня домой!»

Ханъ подумалъ, пожалъ плечами, руками подскочили развелъ ясаулы было, чтобъ вытащить Машу за дверь, но онъ взглянулъ на нихъ, и они остолбенъли. Ханъ приказалъ ей удалиться, а къ ночи созвалъ совътъ свой, козыевъ и улемовъ, и предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: можеть ли онь отпустить домой плѣнницу эту, давъ, во время болъзни своей, въ томъ самому себъ передъ Богомъ святой обътъ, горячкъ, сильно потому что былъ ВЪ страдалъ и не помнилъ что дѣлаетъ? - Онъ просиль книжниковь не упустить изъ виду, что плѣнница эта спасла его отъ смерти, что онъ точно внутри сердца своего далъ такой обътъ, и наконецъ, что ръчь идетъ не о

человъкъ, а о дъвкъ. Улемы хотъли было предварительно рѣшеніемъ вопроса: точно ли Эмиръ обязанъ былъ ей своимъ выздоровленіемъ? - Но, какъ ханъ подтвердилъ самымъ положительнымъ образомъ, завъривъ ханскимъ словомъ своимъ, что безъ нея бы онъ умеръ непремѣнно, то совѣтъ и не могъ болѣе въ томъ сомнъваться, а потому не рѣшилъ, что коли Аллаху угодно было послѣ такого объта продлить жизнь Эмира и даже употребить для сего недостойнымъ орудіемъ своимъ эту кулъ, рабыню, то и обътъ испольнить должно и отпустить Марью можно; но сверхъ того пріискалъ къ сему случаю, какъ водится, для успокоенія высокостепенной совъсти, приличный стихъ изъ корана, въ которомъ, впрочемъ, рѣчь, шла вовсе объ иномъ. Ханъ повторилъ стихъ этотъ съ благоговъніемъ нъсколько тупомъ раздумьи своемъ, разъ, ВЪ успокоился.

Съ послъднимъ осеннимъ караваномъ веселая и ръзвая Маша стала собираться въ путь; Эмиръ самъ призывалъ къ себъ

караванъ-баша и передалъ плѣнницу на его отвътъ. Старостиха была оборотомъ этимъ недовольна, бранилась она на прощанье вспомнила грозилась, НО полузабытую родину свою, стала вздыхать вдругъ задумываться И сдълалась, обычая вопреки своего, мягкою Пушкарь плаксивою. сильно тосковалъ, напослѣдокъ даже плакалъ, какъ ребенокъ, и отдаль Машъ на дорогу образокъ своей работы, наказывая ей строго, чтобы она не забыла его дома освятить.

Одна Маша была весела и шаловлива и не помнила себя отъ радости; всъ трудности пути переносила она шутя. Недъль черезъ шесть прибыли въ Орскую; тутъ нашла она роднаго брата на линейной службъ. Его отпустили домой и на третій день прибылъ онъ съ сестрой въ Красногорье. Трудно было узнать, съ перваго взгляда, въ этой рослой, статной бойкой дъвкъ, И четырнадцатилътнюю Машу, которая пасла на красногорскихъ жителей сбъжалась; Вся станица телятъ. восклицанія, рыданія и смѣхъ прерывались

только по временамъ звонкимъ чмоканьемъ поцѣлуевъ; привътственныхъ пропавшая Маша благополучно безъ въсти возвратилась подъ родительскую кровлю! послъдствіи, ВЪ хвалилась любопытныя свои пересказывая похожденія, что въ плѣну быть ни чуть не страшно, но ИТТИ туда вторично Красногорскими соглашалась. Между нашелся вскорѣ женихъ, козаками которому она была не такъ строга, какъ къ бъдному пушкарю бохарскаго хана; хозяйки расторопнъе и работящъе Маши, конечно, по всъмъ станицамъ, отъ Нъженки до Орска, трудно было бы отыскать; мало того, хотя Каменная, какъ всъмъ вамъ извъстно, славится на пространствъ этомъ красотою козачекъ своихъ, но знатоки этого дъла увъряють, что такой статной и видной женщины, какая вышла изъ Маши, не было даже и въ Каменной.